

Но в век обломков, в век, лишенный истинного космо-
логического представления о воздействии и его силе,
что мы можем еще, как путаться, импровизировать,
сомневаться?

Лоренс Даррелл*

И в снах и наяву меня тревожил
Зловещий облик Древнего Востока
С его глухой мистической культурой,
Проникшей в дальние пределы духа.
Не дай господь притронуться нам к тайне,
Что бедный ум осилить не сумеет.

Александр Чижевский**

Понимаешь, сколько было там разного счастья,
Оказавшись здесь в одночасье.
Провалившись в изнанку, в темноту, в глубину,
Превратившись в чудовище, предсказанную вину.

Ольга Лишина***

* Даррелл Л. Бунт Афродиты. Nunquam / перевод Людмилы Володарской. СПб.: Азбука-классика, 2005.

** Mare Tenebrarum из цикла Т. С. Чижевской // Чижевский А. Л. Музыка тончайших светотеней. М.: Нексмедиа; Комсомольская правда, 2013.

*** Лишина О. Крылатые царевны. М.: Inspiria, 2025.

Глава первая

Видишь джиннов?
А они есть!

Глядя на августовские звезды, бесценный гербарий ночного неба, Герман не верит, что решился — но решение принято, жребий брошен, Рубикон перейден, и еще десяток пустых синонимов; вот уже скоро — самолет, вот уже скоро — мысли о серебряных волнах, тоскующих по свиданиям с «Черной жемчужиной», вот уже скоро — раскаленный африканский воздух, наполненный дыханием драконов и обещаниями фараонов, и пугающе-сказочные пейзажи, так непохожие на фотографии из National Geographic и кадры из «Короля Льва».

Герман не спит. Глотает август жадно, не в силах насытиться. Бойтся не утекающего сквозь пальцы лета, а сна, который обязательно вернется вновь. Из-за него Герман все и затеял — или, быть может, тому виной нечто глубинное? Ау, ответь, дядюшка Фрейд! Не дает ответа.

Герман смотрит на звезды и улыбается, прокручивая первые услышанные этим утром слова:

— В смысле, твою мать, ты увольняешься?!

Смысл был ему предельно понятен — он поскреб по сусекам, отворил все зачарованные пещеры вкладов с давно пониженными процентами, собрал золотую

дань со всех задолжавших проектных работодателей, делавших удивленные глаза, как жадные паши в окружении желанных дев. Хорошо бы такие фоны они выбирали для редких созвонов. Он вытащил себя за шкуру из осточертевшего мира телевидения, полного потрескавшихся мраморных бюстов, глядевших с экранов. Как все устали от них, как он устал от них, но куда денешься, пусть они, некогда белоснежные, давно покрылись коричневатой плесенью, а оливковый аромат их парфюма обратился затхлостью. Герман взлетел, не предупредив ни отца с матерью, ни лучшего друга, ни девушку; оставил только записку на столе с размашистым «Улетаю в Судан за сенсацией! Захотелось приключений. Не на связи». Чемодан с собой не взял. Пухлый рюкзак — одежда, наличка, несколько пауэрбанков, зарядки, походная бутылка для воды, запасной телефон с камерой похуже, планшет и какие-то мелочи — еле влез в багажную полку. И августовские звезды наконец погасли, сменились тьмой ночного взлета — Герман не спал — и посеребренной водной гладью утра; и мир закрутился, вновь поднялись из глубин обломки Ковчега — начиналось очередное путешествие: ими, большими и малыми, по стране и за границу, он жил, когда, казалось, жизнь теряла всякий смысл. Их он ненавидел, по возвращении вылезая из глубокой серотониновой ямы — она напоминала туземные ловушки из очередного дешевого приключенческого фильма, ее мокрый чернозем пах отчаянием. Рутинa — дурман колдуна, которого мы когда-то давно обидели; страшное проклятие господa, которого мы когда-то убили.

Любимые «найки» — не признавал других кроссовок — отчего-то натерли ноги в первые часы; кажется,

улицы зализывающего страшные раны Хартума* бунтуют. Прежде чем сесть в кофейне — цветные пластиковые стулья и столы под рваным тентом, где-то вдалеке так не к месту отливает голубизной Дом дружбы**, — Герман изучил их все с пристрастием врача-студента: неспешно ползущие динозавры-автобусы с пулевыми вмятинами, разрушенные дома с порванными чемоданами у порога, лишенные бывшего гула рынки, раздувшиеся от страдальцев больницы без опознавательных знаков. Герман дошел, конечно, и до бассейна — видел его в стольких репортажах и хрониках, — теперь наполненного водой, еще недавно — гильзами и пропотевшей одеждой повстанцев; интересно, поместят ли проржавевшие и оскверненные мятежными ботинками тренажеры в музей или переплавят на оружие, ненависть к ненависти? От этих ран болели даже его шрамы — один старый, видимый, от неудачного падения с велосипеда еще в детстве; другой свежий, невидимый, от... Герман сам не хотел вспоминать от чего. Их, как и язвы Хартума, не излечит даже волшебная вода двух Нилов.

Хотя Герман надеется. Он приехал сюда не только за сенсацией, но и за лекарством: как паломник в храм древности.

Герман пьет крепкий черный кофе местной обжарки с тремя, кажется, ложками сахара из белой кружки

* Итак! Поскольку Герман, явно не очень знакомый с научной работой, не потрудились разжевать некоторые вещи, придется это сделать за него. Как всегда. Молодость! Хартум — столица Судана. — *Здесь и далее примечания Брамбеуса.*

** Ну такая себе там дружба, конечно... Имеется в виду одна из достопримечательности Хартума, яйцевидное здание с конференц-залами по типу выставочного центра. Короче говоря, модный ДК по-африкански. Ферштейн?

со сколотым краем — попросил с молоком и без сахара, но то ли не поняли, то ли не услышали, то ли решили не щадить. Вытирает вспотевший лоб влажной салфеткой и смотрит не на своего проводника, а сквозь него. Фокусирует взгляд. Джетлаг, усталость, эмоции — организм взбунтуется, сомнений нет, но кофе поможет. Какой джинн приготовил его? Будто предвидел, что Герману сейчас нужно.

— Сэр слушает меня? — проводник разводит руками, улыбается во весь рот — будто живет в немом кино, только яркая тропическая рубашка с коротким рукавом разрушает иллюзию: чернокожий Чарли Чаплин ворвался в фильм Уэса Андерсона. Проводника Герман нашел онлайн еще из дома, пока кутался в пальто от воющих сентябрьских ветров и мелких дождей, укравших бабье лето. Английский, конечно, дай бог разбери — ну ничего, бывало и хуже; водитель моторикши из аэропорта и вовсе говорил словно на выдуманном языке. Без умолку. За лишние пару долларов согласился замолчать.

— Сэр слушает, — Герман заставляет себя сделать еще один большой глоток. Морщится, прикрывает рот рукой, словно опять пьет на корпоративе водку под гоготанье их оператора, а режиссер уже подсовывает к носу ацетонового запаха соленый огурец из мутной банки с полустертой этикеткой. — Но сэру неплохо бы напомнить. Так что мне нужно помнить?

— Что это опасно!

— Слышу уже какой раз, скучно. Что-нибудь новенькое?

— Что Мухаммед отведет сэра только до границы Субании, — он совершенно неуместно складывает ладони, будто не понимая сути этого жеста. Просто

пытается повторить подсмотренное у редких суданских туристов. — Дальше Мухаммед идти не может.

— Напомни, джинны, да? Это как вампиры — мне нужны чеснок, осиновый кол, серебряная пуля и сборник писем ван Свитена? — Он не думает, что проводник поймет его, однако шутка сама обростает звуками. В дороге, пока самолет трясло от турбулентности так, будто пришлось лететь над Бермудами и все сюжеты «Скуби-Ду» сейчас могли сбыться разом, Герман как раз дочитал чудесный роман о вампирах и Герарде ван Свитене. Первая мысль после — как бы не попасть в такой сюжет.

Но Мухаммед даже смеется.

— Сэр хорошо шутит, Мухаммед любит читать и смотреть разное, о вампирах он знает. Где джинов нет, сэр? Не джинны. Люди с оружием. Военные без войны. Аллах вернулся в нашу страну — но на той земле его больше нет. Разное говорят...

— Журналисты и политики говорят одно, — Герман вздыхает. Смотрит в бездну кофе. Допивает, кашляет, тянется за салфеткой — кончились. Приходится облизывать испачканные черной гущей губы. На ней здесь гадают? — Это не признанное никем государство. Мировое сообщество даже не подралось, просто сошлось во мнении — нет, не признаем. Играйте во что угодно, хоть Вавилонскую башню стройте, но фиг вам, — Герман наблюдает за реакцией Мухаммеда. Понял ли? — Не после того, что у вас здесь было...

— Аллах тоже его не признает, — Мухаммед стучит по столу костяшками пальцев. Хмурится. Похоже, учился вести себя по кино — еще немного, и режиссер за кадром крикнет «снято!». Тогда-то Мухаммед и расслабится, и сотрет грим. — Не слушайте политиков,

сэр, они так много говорят, что сами давно запутались. Люди говорят разное — нечистое это место. Пусть они себя чистыми и считают.

Герман вспоминает разбросанные на улицах банки из-под кока-колы, мятые коробки, пакеты, оконные осколки, фруктовые очистки, бычки, пробки: может, чистота вернется в Хартум? Герман хочет верить, что этот пророк, скорее похожий на шарлатана-маркетолога, приведет его к богу, и бог наконец назовется одним из бесчисленных имен, и, узнав это имя, разложив его на таинственные составляющие, Герман сможет сказать... А что он скажет, оказавшись перед богом — это, кажется, уже разобрали на мемы?

— Еще что-нибудь существенное? — Непонимание на лице Мухаммеда слишком заметно, Герман пытается подобрать слово попроще. — Точнее, что еще мне стоит знать? Важного. Если очень коротко. И без чужих разговоров. Цену я знаю, дорогу — тоже. Что-то еще?

— Сэр не хочет терять времени, Мухаммед понимает, — он кивает. — Но Мухаммед не сможет вернуться за сэром. И не может обещать, что сэр вернется сам. Живым.

Где-то в глубине души Герман ждал этого — чего еще ждать журналисту, отправившемуся за сенсацией в африканскую жару, на территорию странного непризнанного государства, отделившегося от страны, которую разодрало гражданской войной? Азарт, аффирмации, адреналин: Герману нужна сенсация, Герману нужна слава, Герману нужна популярность; он ведь тоже достоин мраморного пьедестала ведущих, как Телемах достоин места Одиссея: моложе, смелее, лучше. Вы обо мне еще услышите! Он зачем-то крикнул это, когда получил подписанное заявление на увольнение — пришло

онлайн, конечно, — прямо в окно, как в студенчестве: и это мутировавшее «халява, приди» эхом отразилось от домов и вернулось к нему купленными билетами, десятком неотвеченных сообщений и бессонницей. Хотел бы Герман видеть ее в образе чудаковатой гофмановской старухи в кружевных юбках, волшебной ночной феи, желанной гостьи, дарующей не смятение, а успокоение, — такой она последние полгода для него не была.

— Знаешь, как у нас говорят? — Герман поднимает чашку будто перед тостом. — Кто не рискует, тот не пьет шампанского! Или такого убийственного кофе.

Дорогу до старого зеленоватого джипа с отломанным зеркалом заднего вида, помятым бампером и посеребрившимися дверьми — он помнил, наверное, еще времена Абд аль-Рахмана*, шлющего приветы Наполеону и изучающего эту дивную механическую игрушку в окружении многомудрых советников, называющих ее то зверем шайтана, то металлическим чудом, — Герман уже снимает на телефон. Думает, как лучше склеить: и передать атмосферу, и не потерять динамики; он не информационное агентство, его сенсация не уложится в три сухие строки о появлении нового непризнанного государства. Его сенсация — чистая эмоция, шоковая терапия, полное погружение в этот неизведанный мир, в который когда-то — по всему свету — с такой жадностью и с таким азартом ныряли британские писатели и журналисты. Многие тонули в сладких винах Лахора

* Имеется в виду правитель Дарфурского султаната, располагавшегося в т. ч. на территории Судана. Согласно источникам, его правитель, собственно Абд аль-Рахман, отправил Наполеону послание, в котором поздравил с разгромом Египта.

или в мутных водах Евфрата. Он не утонет. Герман внимательно изучает джип — сомневается. Может, и утонет — только в песке, когда авто развалится на части, а потом начнется какая-нибудь сцена с Бобой Феттом: пески и чудовища.

Мухаммед хлопает джип по нагревшемуся металлу, как выючное животное, старого верблюда, сменившего многие караваны; достает ключи с аляповатым брелоком — джинном из «Аладдина», — снимает сигнализацию, с силой открывает дверь, садится на ободранное водительское сиденье и кивком приглашает Германа. Тот выключает камеру, улыбается — жалеет, что не взял кофе с собой, хотя тут помог бы только коньяк, как однажды в самолете, когда трясло немыслимо, только сосед-армянин просил помочь открыть бутылку из дьютика и, когда Герман помог, радостно наполнил стакан с остатками колы. Мотор не ревет — стариковски хрипит, сопит, ворчит, вредничает. У Германа вырывается смешок. Мухаммед не обращает внимания — возится с ремнем. Герман взглядом прощается с Хартумом, даже не замечая, когда они успели тронуться. Нормально будет снять дорогу, или придется высовываться, а может, с заляпанными как раз и атмосфернее, и поживее? Сквозь мутные стекла видно уже не город — там, как в нечищенном аквариуме, плавают исполинские нестройные мысли, сгустки желе. Концентрация пропадает. Герман вспоминает: он, мальчик, вскакивает на старое коричневое кресло и признается родителям в любви к путешествиям, заявляет, что вне дома чувствует себя как дома, и спрашивает, отчего так; мама говорит — это все прошлые жизни, тянет туда, где уже однажды бывал, и это кажется Герману волшебным, но папа выдает еще более магические вещи — о неких

проснувшихся генах далеких-далеких родственников, авантюристов почище Ашинова*, турецкоподданных, не оставивших своим внукам ничего. Потом ему включают «Индиану Джонса», разрешают смотреть только по одной части за вечер. И Герман, пожевывая вареную курицу с жареной картошкой, не может оторваться.

Как чудно — он мечтал залезать в самые странные уголки мира на работе. А залез, когда уволился. Судан! Кто бы мог подумать.

Мимо рукавов Белого и Голубого Нила, горькие воды которых не смогли исцелить эту землю, не затянули раны, не подарили забвение; мимо наполняющихся жизнью полуразрушенных домов, еще недавно — декораций для постап-квеста, теперь — обживаемых руин; мимо рынков с рваными тентами, синими пластиковыми бочками и хаотично расставленными палатками, где Герман еще недавно купил несколько сочных, больших, то ли молодильных, то ли запретных яблок в дорожку, очаровался тысячелетним взглядом голубоглазой старухи, заплатив сильно больше нужного; мимо разрушенных железнодорожных путей — к теплему Красному морю, к нубийским костям под пустыней, к городу Абу-Хамаду, ставшему новым государством, причудливой Субанией.

Стоило им покинуть Хартум — едут в тишине, разрываемой гудками редких машин и тараканов-моторикш, требующих безотлагательно уступить дорожку, — и Герману страшно захотелось есть. Из детских

* Как люблю его! Дайте мне родиться заново, и родился бы им! Николай Ашинов — казак и авантюрист, добившийся нескольких поездок в Абиссинию за государственный счет. Ну какой, а?

книг он помнил о главном провианте путешественников, отчаянных моряков — сухарях и солонине, так и запомнил: сухость, сдержанность, сплошное с-с-с, скрип песка на зубах. У него, помимо яблок, были чипсы с беконом. Стоило бы захватить лимоны от цинги? Сморенный зноем — даже дотянуться до заднего сиденья лениво, — Герман засыпает, опустив козырек кепки с зеленым прищельцем на лоб. Открывает глаза уже в пустыне: прогоняет старый сон, вечный сон, безумный сон — гул барабанов, эбеновый лук в его руках, режущую пальцы тетиву из божественной паутины, холм, восходящее солнце, чистейшее сияние, дрожащие руки, выстрел...

Мухаммед улыбается во весь рот, показывает большой палец. Герман трет глаза, достает уже не еду — теперь подташнивает, — а телефон, включает камеру. Снимает вид через лобовое стекло. Потом переводит ее на Мухаммеда — тот улыбается еще усерднее.

— Значит, эта земля забыла Аллаха? — во рту пересохло. Берет телефон в одну руку — камеру трясет, — второй тянется за предусмотрительно наполненной бутылкой воды. Была прохладной — нагрелась.

— Да, сэр абсолютно прав! — Мухаммед вцепляется в руль обеими руками. Смотрит не в камеру — на дорогу. — Эта земля соблазнилась на уговоры се-стер аль-Лат, Манат и аль-Уззы!* Эта земля уверовала в свою чистоту и блаженность, в свое право называться новым раем, хотя на деле кишит злыми джинами, Мухаммед знает!

* Мы не будем ударяться в урок культурологии, а то вам (да и мне) станет скучно. Если коротко — это триада доисламских арабских богинь, которым поклонялись в Мекке до откровения Пророка.

— А Мухаммед, — Герман жадно пьет воду. Наверное, на записи будет слышно — тем лучше, — сам верит в джиннов? Сам видел их?

— Верить и видеть — разные вещи, — он задумывается. Все еще не смотрит в камеру. — Сэр снимает Мухаммеда, но не каждый, кто будет смотреть на Мухаммеда оттуда, из-за зеркала, будет верить в то, что видит настоящее. Вдруг это мираж?

— Говоришь совершенно непонятно, — Герман хмыкает. Кидает бутылку на сиденье. — Так веришь или нет?

— Мухаммед никогда не видел джиннов и рад этому. — Он наконец поворачивается в камеру. Выдает улыбку ярче прочих — жемчужную, почти голливудскую. Может, он глубоководное чудище? Снует по грязным улицам, мимо домов-коробок, и заманивает сиянием собственной добродушности? — Мухаммед не боится называть их джиннами как есть. Но Мухаммед верит в них и слышал истории от друзей и друзей друзей. Джинны повсюду, но они хотят оставаться невидимыми — и храни Аллах, чтобы оно всегда было так! Пустыня, — он зачем-то топает свободной ногой, — хранит множество мертвецов, а мертвецы эти хранят сотни древних тайн — и в каждом камушке, в каждом случайно найденном обломке может обитать джинн, дурной или добрый. И сэру стоит побережься. Если джинн будет злым — от его преследования помогут только святые. Места их силы излечат от многого...

— Вот и выяснили, ура! Так ты веришь в джиннов. — Джип подпрыгивает. Герман роняет телефон, подбирает, протирает камеру ладонью, не останавливая запись. Мухаммед снова смотрит на дорогу. — Но ни разу не видел их?

— И я благодарен за это Аллаху, — Мухаммед кивает. — Разве сэр никогда не верил в то, чего не видел?

Герман постоянно верил — ведь для всех, кто не знает физику, мир — сплошная магия, а для тех, кто не знает магию, — сплошная физика; он оказался где-то между, с одинаковым рвением читал и о теории темного леса, и о пришельцах-шумерах с Нибиру. В детстве засматривался «Невероятно, но факт», дрожал, но не мог оторвать взгляда, вздрагивал от дедовского храпа и вновь прилипал к экрану телевизора; насытившись, по выходным, пока друзья спали, тащил маму к пруду у дома, брал лупу и искал следы лох-несского чудовища, вглядывался в мутно-безучастную поверхность воды, год назад поглотившей пьяного шашлычника в тельняшке; вскоре просто садился и ждал, пока мама не начинала напевать нежно, над самым ухом: «Пора домой, а то останешься без завтрака. Кто там хотел блинчиков со взбитыми сливками, ну?» Да и сейчас, путешествуя по пустыне, убегая от повторяющегося сна, Герман верит — не в джиннов, глупым казалось говорить о них в слишком уж вещественном мире, в мире, только-только оправившемся от гражданской войны, где все чрезвычайно до ряби в глазах, реально, будто резкость выкручена на максимум. Он верит в собственный успех, в сенсацию, в забег по карьерной лестнице, в исцеление от проклятого сна. Веки слипаются. Как бы продержаться на ногах еще дольше, не проваливаясь в дрему...

Герман готовится ответить «Верил» и задумывается над следующим вопросом — последним, лучше поэкономить память, силы и зарядку, самое интересное начнется в Субании, — но джип вдруг резко тормозит. Герман чудом не влетает в лобовое стекло — о ремне

позабыл. Телефон выскальзывает из рук. Морщась, Герман находит его на ощупь, закрывает пальцем камеру — все равно потом отрежет, — останавливает запись.

— Что случилось... — он поворачивается к Мухаммеду, ожидая увидеть большой палец, фирменную улыбку, уже не менее фирменное «Итс олрайт!», но тот, замерший, смотрит перед собой. Герман придвигается к нему, зачем-то протирает заляпанное лобовое стекло — не видит ничего, даже оазиса или причудливого миража в виде огромного дворца, собранного камень к камню из сияющих изумрудов горы Каф. Пустыня, редкие сухие кустарники — и только.

— Эй, — он трясет Мухаммеда за плечо. — Что случилось? Все в порядке? Может, воды?

— У Мухаммеда всегда с собой много воды, — он отвечает медленно, неуверенно собирая слова; английский в миг совсем портится, приходится напрячься, чтобы понять. — Разве сэр не слышит?

Мухаммед не дает Герману ответить «Не слышит что?» — отстегивает ремень, открывает дверь, хватается свою бутылку воды — клеевое пятно на месте содранной этикетки, какая предусмотрительность — и прыгивает на песок, даже не заглушив ворчащий мотор. Герман быстро прячет телефон в карман, поскорее открывает свою дверь, подбегает к Мухаммеду сзади, тянет на себя — но тот не дается, так же смотрит вдаль. Герман прищуривается — видит какую-то расселину; чернота, безжизненность — ни ливийских горгон, ни драконов, ни василисков, ни демонов.

— Да что ты такое услышал?! — Герман хватается Мухаммеда за плечи, трясет. Тот продолжает идти. — Мухаммед!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru